

**Дружба
народов**

3/2022

Дружба народов

*Независимый
литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

*Основан
в марте 1939 года*

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, стр. 2,
журнал «Дружба народов»
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12

E-mail: dn52@mail.ru,
Сайт журнала:
<http://дружбанародов.com>

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации
товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в
Государственном реестре
товарных знаков и знаков
обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

 Отпечатано в АО «Можайский
полиграфический комбинат»,
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93;
www.oaompk.ru тел.: (49638)20-685

**Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
рукописи.**

**Во всех случаях полиграфического
брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию, указанную
в выходных сведениях.**

**При перепечатке наших материалов
ссылка на журнал «Дружба народов»
обязательна.**

Сдано в набор 20.01.2022.
Подписано в печать 28.02.2022.
Формат бумаги 70 x 108 ¹/₁₆
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отт. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 1200 экз.
Заказ 1076/22. Цена свободная.

Редакционная коллегия

Главный редактор Сергей
НАДЕЕВ
Ольга
БРЕЙНИНГЕР
Ирина
ДОРОНИНА
Ответственный секретарь Елена
ЖИРНОВА

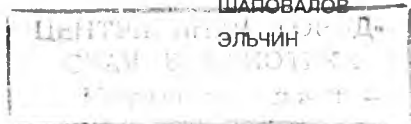
Первый заместитель главного редактора Наталья
ИГРУНОВА
Галина
КЛИМОВА
Владимир
МЕДВЕДЕВ

Заместитель главного редактора Александр
СНЕГИРЕВ

Редакционный совет

Мария
АНУФРИЕВА
Сухбат
АФЛАТУНИ
Муса
АХМАДОВ
Ольга
БАЛЛА
Дмитрий
БИРМАН
Денис
ГУЦКО
Ольга
ЛЕБЕДУШКИНА
Фарид
НАГИМ
Илья
ОДЕГОВ
Валерия
ПУСТОВАЯ
Кнут
СКУЕНИЕКС
Сергей
ФИЛАТОВ
Ренат
ХАРИС
Александр
ЧАНЦЕВ
Вячеслав
ШАПОВАЛОВ

ЭЛЬЧИН

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Катя КАПОВИЧ. Пишет русский язык. <i>Стихи</i>	3
Болот ШИРИБАЗАРОВ. Драгоценный. <i>Роман</i>	6
Григорий КНЯЗЕВ. Здесь, на земле, в кругу семьи. <i>Стихи</i>	130
Александр МЕЛИХОВ. Гриф и мамонт. <i>Повесть</i>	133
Наталья ЕЛИЗАРОВА. Все дороги ведут к Оке. <i>Стихи</i>	173
Валерий АЙРАПЕТЯН. Атезолизумаб. <i>Рассказ</i>	175
Алексей КОМАРЕВЦЕВ. Очень петербургский, городской. <i>Стихи</i>	185
Елена СКУЛЬСКАЯ. Рассказы	188
Анастасия АТАЯН. Кто приносит дожди. <i>Рассказ</i>	196
Евгений ОРЛОВ. И трава и любовь песок. <i>Стихи</i>	200

ПРОЗА. DOC

Наталья РАПОПОРТ. Вакка. <i>Фрагменты будущей книги</i>	204
---	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Дэн ДЕЛЬТМАН. «И вновь продолжается бой»... но уже в Америке	227
--	-----

КРИТИКА

Евгений АБДУЛЛАЕВ. Полуторакрылая птица. <i>Девять поэтических сборников 2021 года</i>	237
--	-----

NON-FICTION PRO

Александр ЧАНЦЕВ. Энтузиаст, эмансипе и низвергатель	251
--	-----

БИБЛИОНАВТИКА

Ольга БАЛЛА. Человек прояснённый (Г.Шульпяков. «Белый человек: избранные стихотворения»)	263
--	-----

ПРАВИЛА ИГРЫ

Борис МИНАЕВ. И вечная «оттепель»	267
---	-----

Summary	272
----------------------	-----

Болот Ширибазаров

Драгоценный

Роман

Пролог

Ширап Санаев начинал свой путь как случайный и долгое время нелюбимый ученик Содой ламы, самого титулованного целителя и авторитетного педагога курса тибетской медицины в Цугольском дацане. Содой лама всегда отказывал таким, как Ширап. Но именно Ширапу он отказать не смог, хоть и невзлюбил его с первого взгляда.

С каждым поступавшим на его курс и его родителями Содой лама общался лично. Ширап Санаев пришёл без родителей.

— Что это? — спросил Содой лама, кивнув на стопку шкурок тарбагана, лежавших у его ног.

— Это моё подношение! — ответил мальчик. — У меня больше ничего нет.

Окинув безучастным взглядом бедно одетого подростка, Содой лама прикинул в уме, во сколько ему обойдётся его содержание: как много, а главное, как скоро тот сможет возместить ему все расходы. Он уже открыл было рот, чтобы прочитать пареньку занудное нравоучение о законе кармы, как вдруг тот опустился на колени.

— Я буду служить вам! — решительно сказал Ширап.

— Все мои ученики мне служат, — холодно ответил Содой лама.

— Я буду служить вам так, что вы будете гордиться мной! — настаивал подросток.

— Гордиться?

Обычно такие оборванцы старались вызвать в душе Содой ламы чувство жалости. Но подобные попытки вызывали лишь досаду и усталость. На его курсе не было бедняков, потому что бедняки не могли позволить себе недешёвое содержание в дацане и продолжить учиться в Монголии или Тибете.

Однако этот настырный юнец всем своим видом вызывал в душе Содой ламы скорее тревогу, чем неприязнь. Он напомнил ему того юношу, что каким-то чудом однажды повстречал в степи самого Ойдопа багшу и по его рекомендации отучился пять лет при Цугольском дацане, а затем отправился на учёбу в Тибет, к Гьялшену Римпоче. Он вдруг напомнил ему... самого себя.

Ширибазаров Болот Баярович — прозаик, драматург. Родился в 1977 году в Иркутске. Выпускник Екатеринбургского Государственного театрального института, мастерская Николая Коляды. Публиковался в журналах «Уральская новь», «Урал». Лауреат и финалист Международных конкурсов драматургов — «Евразия», «Новая драма», «Свободный театр». Живёт в Улан-Удэ. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

— Хорошо, — неожиданно уступил Содой лама. — Я вижу, тебя некому содержать. А это значит, что ты не переживёшь будущей зимы. Я набираю учеников, а не дармоедов. Ты будешь мне служить, ты будешь делать всё, что я тебе скажу! Но это ещё не всё! Ты будешь учиться! Ты будешь делать всё, что я тебе скажу, и будешь учиться! Будешь плохо делать — буду сечь! Будешь плохо учиться — выгоню с позором!

Так Ширап Санаев стал учеником самого Содоя ламы. Он жил в большом доме своего учителя, срубленном из вековой лиственницы богатым купцом, которого Содой лама вылечил от мужского бессилия. Ширап спал, подобно собаке, у печи на войлочном коврике. Он ложился поздно вечером, когда засыпал Содой лама, и вставал за час до того, как просыпался Содой лама, топил печь, кипятил воду, заваривал кирпичный чай и готовил завтрак: цампу — кашу из обжаренной ячменной муки, — сваренную на молоке с топлёным маслом, менял лампадки и подношения на алтаре.

Питался Ширап тем, что оставалось после трапезы Содоя ламы: остатками зелёного чая без молока и горсткой обжаренной ячменной муки. Выполнив утренние обязанности, Ширап сидел на лекциях, вникая в каждое слово педагогов, старательно выводя слоги тибетской грамоты. Так Ширап ещё и спасался от мучительного чувства голода и ещё более мучительного желания поспать. Из подушки, на которой он сидел во время занятий, торчал ржавый гвоздь, на который он натыкался, стоило ему задремать. Все колени Ширапа превратились в сплошную рану, но любая, даже самая монотонная лекция, шла ему впрок.

В обеденное время Ширап бежал на кухню и снимал с печи кастрюлю с бульоном. Стоило Ширапу недоварить или переварить бульон, и Содой лама оставался без обеда, а Ширапа наказывали: секли толстым ивовым прутом.

Ел Ширап два раза в день, поскольку два раза в день ел Содой лама. Учитель уже много лет держал обет: ел только до полудня, и Ширап волей-неволей разделял обет со своим учителем. Однажды Ширап не выдержал и положил в рот старую конфету с алтаря. Позади него уже стоял Содой лама с толстым ивовым прутом в руке.

Содой лама считался лучшим эмчи ламой Цугольского дацана. Среди его паствы ходила легенда о том, как однажды он вылечил одного пастуха от острого аппендицита: сделав надрез внизу живота, просунул в надрез рог яка и сцедил содержимое аппендикса, а затем прописал пастуху пилюли, благодаря которым тот окончательно исцелился. По другой легенде, Содой лама излечил кого-то из членов царской семьи, пересадив тому лёгкие молодого волка. Правда, ничего такого при нём учитель не делал.

Всё, что видел изо дня в день Ширап, прислуживая Содою ламе, это как его учитель лечит местную знать от головных болей и всевозможных расстройств, от женского бесплодия и мужского бессилия. В борьбе с этими недугами Содою ламе действительно не было равных. Ширап всем сердцем желал увидеть хоть одно чудо-исцеление, а видел лишь сытые, постные, безразличные ко всему лица богачей. Но любые сомнения Ширап тут же гнал, ибо понимал, что получить нужные знания он мог только на курсе у Содоя ламы.

Усердие Ширапа начало приносить свои плоды с наступлением первых холодов. Однажды утром он еле проснулся оттого, что, свернувшись клубочком, не чувствовал привычного холода. Оторвав голову от коврика, он ощутил на себе что-то тёплое, меховое... Это был почти новый дэгэл из хорошо выделанной овчины. Рядом лежали меховая шапка, стёганные штаны и гутулы из грубой кожи.

Однокурсники Ширапа относились к нему так, будто он был прислугой для всего курса. Иногда Ширап выполнял поручения некоторых сокурсников, чтобы получить на обед кусок лепёшки или холодной — в комочках застывшего жира — баранины.

Содой лама стал поручать Ширапу отбор компонентов для лекарств: травы, коренья, минералы, порошки из драгоценных металлов и даже кости древних животных. Однажды Содой лама позволил Ширапу войти в свою мастерскую, куда могли входить лишь избранные его ученики.

Взяв с полки человеческий череп, Содой лама положил его в специально оборудованный очаг, развёл огонь и показал Ширапу, как поддерживать пламя, раздувая меха. Череп вскоре раскалился докрасна, а затем побелел. Прихватив щипцами, Содой лама положил его на керамическое блюдо посреди большого стола. Остывший череп развалился на кусочки, которые Содой лама уложил в чашу из серебра. На следующее утро он велел Ширапу истолочь их в мельчайший порошок. Ширап истолок в пыль. Но Содой лама остался недоволен его работой и велел толочь снова и снова, пока порошок не стал совсем воздушным. Содой лама аккуратно сыпал его в серебряный сосуд и затем добавлял его в лекарство от головных болей.

С наступлением лета ученики Содоя ламы разъехались на каникулы, но Ширапу ехать было некуда, и всё лето он прислуживал своему учителю, помогая в сборе трав и изготовлении лекарств. Содой лама собирал особые травы в особых местах, пробуя их на вкус, выбирая несколько лепестков с одного куста. К каждому такому кусту Содой лама приходил лишь раз в год.

Собрав травы, Содой лама сушил их по-особенному, учитывая даже лучи солнца, падавшие на связки трав, силу и направление сквозняков. Проезжие купцы поставляли Содою ламе кости древних животных и минералы. Каждый компонент монах долго нюхал, пробовал на вкус, разглядывал против солнца...

На шестом году обучения Ширап стал лучшим учеником Содоя ламы. Он успешно лечил людей, изготавливал лекарства по рецептуре, что задавал ему учитель, и очень умело подбирал компоненты для этих лекарств. Содой лама уже без опасений доверял ему закупки, мог позволить себе не проверять качество приобретённого им сырья. Это было очень своевременно, поскольку здоровье Содоя ламы неуклонно ухудшалось. Он быстро, даже стремительно старел, и ни один из его учеников не мог помочь ему остановить старость.

Ширапу уже не было нужды прислуживать своим сокурсникам, чтобы получить кусок на обед: те сами несли ему щедрые подношения в надежде разузнать какой-нибудь секрет, в который Содой лама не пожелал их посвящать. Ширап отказывался от этих подношений, лишь окидывал их холодным взглядом и говорил, что не в силах объяснить им то, что может раскрыть только сама жизнь.

Ширап не заметил, как стал заносчивым, гордым и властолюбивым. Послушники относились к нему с глубочайшим уважением, почтительно называли багшой и панически его боялись. Как-то раз Ширап высек одного из хуваракков за то, что тот плохо истолок компоненты для лекарства. Содою ламе в тот же вечер доложили об этом.

— Скажи мне, что это? — спросил Содой лама Ширапа, когда тот вошёл к нему в комнату и степенно уселся на подушки. В руке у Содоя ламы был золотой червонец.

— Деньги, — с достоинством ответил Ширап.

— Сядь поближе.

Ширап придвинулся к Содою ламе и заметил, что у ног учителя лежит ивовый прут, такой же, как тот, которым он когда-то его нещадно сёк.

— Повторяю: что это?

— Я не понимаю вашего вопроса, — честно ответил Ширап.

В душе он был даже рад получить от учителя благословение хоть и в виде порки, которой уже не было давно.

Содой лама взял прут, слегка откинулся назад и с силой хлестнул Ширапа по лицу. Коснувшись ладонью лица, Ширап ощутил проступившую липкую кровь.

— Что это? — снова просил Содой лама.

— Что с вами, учитель? — протонал Ширап.

Следующий удар перебил на его руке сразу два пальца. В глазах Содоя ламы Ширап не видел ни жалости, ни сострадания, ни гнева — лишь бездонную пустоту. Он понял, что учитель будет бить его до тех пор, пока он не даст правильного ответа.

Либо ответ, либо конец всей его многострадальной жизни. Учитель шёл на жертву, очевидно, ради него. Но чего именно хотел от него учитель?

— Что это? — вслед за вопросом без ответа последовал удар, и левый глаз Ширапа мгновенно оплыл.

Ум Ширапа принялся лихорадочно работать. Он вспомнил истории о суровых нравах в монастырях провинции Ладакх, где били палками умудрённых монахов за малейшее проявление гордыни, били до тех пор, пока к ним не приходило осознание...

«Здесь и сейчас, здесь и сейчас... — прокрутил в уме Ширап заветную мысль, что так часто спасала его на первых курсах обучения. — Что такое деньги? Для чего они нужны? Чтобы жить! А что есть жизнь? Или что её определяет? Три доши — ватта, питта и капха, или — ветер, желчь и слизь. Ветер, желчь и слизь — три ключевые жизненные энергии человека. Всё остальное в обыденной жизни — лишь производное этих энергий...»

— Это энергия! — ответил Ширап.

— Для чего она нужна? — спросил Содой лама.

— Чтобы приносить пользу!

— Что мешает нам быть полезными?

— Гордыня, гнев и зависть!

— Что порождает гордыню, гнев и зависть?

— Алчность!

— Что есть алчность?

— Заблуждение, мешающая эмоция!

— Почему это заблуждение?

— Потому что деньги — лишь порождение нашего ума!

Взгляд Содой ламы постепенно ожил. Отшвырнув прут, он молча поднялся со своего трона и ушёл к себе в спальню.

В тот же вечер Ширап отыскал побитого послушника. Им оказался сын бедняка, принятый Содой ламой на курс, как когда-то и сам Ширап. Юный послушник прислуживал одному из лам и спал у него в прихожей, у печки, на войлочном коврикe.

Разбудив послушника, Ширап увёл его в дом и уложил на свою постель. Сам же лёг у печи, на войлочном коврикe. Ночью поднимался со своего ложа и поправлял одеяло, заботливо укрывая им юного хуарака. Мальчик бормотал, вздрагивал, всхлипывал, переживая что-то даже во сне.

— Скажи мне, сынок, чего ты хочешь от этой жизни? — спросил Ширапа Содой лама после того, как тот прошёл полный курс обучения. Его рано выцветшие бледно-голубые глаза смотрели на Ширапа с отеческой нежностью. Ширап впервые за всю свою жизнь ощутил на себе такой взгляд, полный искренней любви и сострадания.

— Я хочу совершенства, — не задумываясь ответил Ширап. — Моя жизнь началась с больших страданий, мои родители умерли от оспы, когда мне было три года. С пяти лет я был вынужден прислуживать, чтобы не умереть с голоду. И в пять лет я стал задумываться, почему в этой жизни так много страданий. Я присматривался к тем, кому прислуживал, и не видел, чтобы они были счастливы. Все, кого я видел, страдали и чего-то боялись. Так я решил найти то, что позволит мне больше не бояться страданий, и услышал легенду о великом йогине. Это был Ойдоп багша. Я долго искал Ойдопа багшу и вскоре узнал, что он ушёл в паломничество в Тибет и вернётся оттуда только через семь лет. Я не мог ждать так долго и потому пришёл к вам, учитель.

— Я не смогу дать тебе того, что ты хочешь, — признался Содой лама, — потому что не я был твоим учителем. Зато ты очень многому научил меня! Когда ты плакал ночами на своём коврикe, я плакал вместе с тобой. До этого я мучился бессонницей, но, когда моя подушка намокала от слёз, я засыпал как младенец. Моё сердце разрывалось, когда я видел, как ты, забившись в угол, поедал подачки от своих сокурсников. Я страдал вместе с тобой, когда видел, как ты вздрагиваешь от боли,

ткнувшись коленом в гвоздь. Твоя боль отзывалась болью в моём сердце. Благодаря тебе я вернулся к своим обетам и вновь почувствовал сострадание ко всем живым существам — к тому, о чём я почти забыл на склоне лет...

Ширап замотал головой, показывая всем своим видом, что ему нелегко слушать это признание, но Содой лама жестом прервал его.

— Не перебивай меня, Ширап! Ты заставил меня пережить всё то, что я уже переживал когда-то. Как я мог это забыть? — из глаз Содой ламы потекли слёзы. — Ойдоп багша не случайно ушёл в Тибет. Он должен был найти перерождение своего любимого ученика, Гьялцена Римпоче. Возможно, Ойдоп багша не вернётся на родину. Времени у него немного, и вряд ли он найдёт силы на обратную дорогу. Но ты ещё можешь успеть получить знания от этого учителя... — Содой лама потянулся вниз, под столик, укрытый богатой парчой, и извлёк мешочек с деньгами. — Здесь хватит и на дорогу, и на подношения.

— Учитель... — Ширап упал на колени перед Содой ламой и обхватил его стопы в дорогих гутулах. — Я не могу принять эти деньги и не могу покинуть вас, ведь вы столько мне дали.

— Величайшая драгоценность нашего учения — это искреннее ощущение сострадания, — улыбнулся Содой лама. — Эта искренность позволяет нам быть здесь и сейчас и достичь всего, ради чего мы здесь: освободиться от страданий, помочь обрести свободу всем живым существам. Разве не об этом ты мне напомнил? Береги это чувство и непременно найди Ойдопа багшу. Когда-то давно мой учитель Гьялцен Римпоче, ученик Ойдопа багши, решил отпустить меня на родину, чтобы я почтил прах своих родителей. Он высказал пожелание, чтобы я вернулся в Тибет и продолжил учёбу. Он сказал, что я должен освоить и принести совершенное знание, которого ещё не было на моей родной земле. Но, вернувшись на родину, я понял, что и так уже владею знаниями, которых ни у кого здесь больше нет. И я решил, что выполнил пожелание учителя... — Содой лама тяжело задышал и схватился за грудь, но тут же выставил перед собой руки, как только Ширап бросился к нему, чтобы хоть чем-то помочь. — Отправляйся в Тибет немедленно, найди Ойдопа багшу...

Содой лама умер на руках у Ширапа. Хлопоты о погребении взял на себя дацан, а Ширапу предложили занять место своего учителя. Но вскоре после обряда погребения Ширап уединился в степи, чтобы исполнить практику Бум-Ши — сто тысяч простирааний за сорок дней. А затем он исчез.

По улусам поползли самые невероятные слухи и домыслы. Одни говорили, будто Ширап Санаев внезапно достиг просветления и растворился в воздухе. Другие утверждали, что видели, как во время практики на него напала стая волков. А один из местных караванщиков рассказал, как Ширап Санаев брёл куда-то на север бадарчином — странствующим монахом.

Он появился спустя много лет, измождённый дальней дорогой, но в глазах его светился огонь нового знания. И это знание он стал передавать из жизни в жизнь, непрерывно его совершенствуя. Однажды в одной из жизней наступили непростые времена. Красные комиссары подняли простой народ против власти богачей, шаманов и лам. В один из дней того времени пришли красные комиссары и за Ширапом Санаевым.

Он знал, что за ним придут, собрал в своём дугане учеников, что не пожелали бежать в Тибет, и произнёс завещание. Он завещал похоронить его живым, в позе медитации, и поднять из могилы спустя семьдесят пять лет. Если тело его спустя эти годы останется нетленным, значит, очень скоро великие учителя начнут возвращаться в эти земли и возвращать людям совершенное знание.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Отчим умер тихо. Обычно в выходные он либо храпел, либо сидел у телевизора. Ваяться среди бела дня в тишине отчим не умел. А тут час прошёл, второй после обеда, а в спальне тихо. Алексей потянул одеяло и увидел застывший взгляд — поводил над лицом ладонью, потряс за руку, поднёс к лицу туалетное зеркальце, а затем позвонил маме.

— Как не вовремя, — вздохнула мама. — Денег ни копейки...

Скромные поминки решили провести дома. Хотели управиться побыстрее, но соседи, чтобы не толпиться, шли по очереди: несли закатки, салаты, спиртное... И поминки затянулись допоздна. Танюха тогда в первый раз ушла ночевать к подруге.

Алексей вспомнил: когда мама привела отчима домой, показалось, что тот похож на случайного прохожего. Неслучайным он стал потому, что работал водителем «скорой» там, где мама работала медсестрой. Он остался с ними жить и стал отцом Танюхи. Он мог бы стать отцом ещё и сводного брата Алексея, но мама решила, что с неё хватит.

Однажды, когда мать задержалась в больнице, Алексею приснился кошмар: он носился по улицам Читы с изувеченным младенцем на руках, мальчиком, и кричал, звал на помощь в надежде, что его хоть кто-нибудь услышит. Но, как часто бывает в таких снах, на улице не было ни души. А малыш смотрел на него большими тёмными глазами, полными муки.

А потом во сне проявилась его бурятская бабушка. Она взяла на руки больного малыша и стала его баюкать, напевая протяжную бурятскую песню. Затем она расстегнула кофту и достала грудь. Малыш присосался и умолк, успокоился.

«Дай сюда чашку», — сказала бабушка.

Алексей протянул ей деревянную чашку, и бабушка стала сцеживать в неё молоко. Грудь у неё в том сне была как у мамы, когда та кормила Танюху: розовой, молодой, пышной...

Ту деревянную чашку из сна и на самом деле привезла бабушка. Она приехала внезапно. Мама тогда уже жила с отчимом, ждала Танюху, и ей было неловко, потому что бабушка была матерью её первого мужа, отца Алексея, бурята. Отчим сначала косился на бабушку, а потом вдруг проникся, даже «скорую» свою пригнал, чтобы отвезти её на вокзал.

Бабушка ходила еле-еле, вразвалку, и Алексей удивлялся, как она вообще смогла приехать к ним в Читу. И дом их нашла, и квартиру, и привезла подлую сумку гостинцев. Ему тогда было десять лет. Бабушка перед отъездом поцеловала живот мамы и долго затем не могла оторваться от макушки Алексея: всё нюхала и нюхала. Когда она, наконец, вышла из квартиры, Алексей пошёл в ванную, потому что макушка его была мокрой от слёз.

Гостинцы Алексей не оценил: в сумке оказалось сушёное мясо, масло, творог. А вот чашка понравилась! Он долго вертел её, разглядывал, царапал, нюхал. Потом стал пить из неё чай...

После похорон отчима Танюха взяла моду ночевать у подруги каждые выходные, а по будням задерживаться допоздна. Мама волновалась, но Алексея подростковые закидоны сестрёнки даже радовали: он единолично завладел компьютером!

В тот вечер Алексей, уткнувшись в монитор, осваивал новую «стрелялку». Мама смотрела новости, делая вид, что всё нормально, что их общая жизнь так и течёт себе ровно и тихо, словно струйка из крана, который Алексей вечно забывал починить. Вдруг мама вскрикнула! По телевизору молодая журналистка Читинского телевидения вела репортаж из Улан-Удэ. Очень подвижный и, как показалось Алексею, слишком уж эмоциональный журналист из Бурятии рассказывал о старой могиле в степи, из